

А. А. БУДАГЯН

К ВОПРОСУ О ПЬЕСАХ МИРЗЫ МАЛЬКОМ-ХАНА

Первым мыслителем и просветителем, с именем которого связано зарождение новой иранской литературы, в частности, социальной драматургии, был Мальком-хан (1833-1908).

Мальком-хан родился в Новой Джульфе под Исфаганом в состоятельной семье. Среднее и высшее образование получил в Париже, где занимался изучением права. По завершении образования он вернулся в Тегеран, где принимал активное участие в политической жизни страны и занимал дипломатические посты.

Вся деятельность Мальком-хана была проникнута благородным стремлением служения родине, которую он хотел видеть процветающей и независимой от иностранных поработителей. Всю свою кипучую энергию и творческие возможности он посвятил народу; неустанно боролся с произволом и беззаконием, совершаемыми феодалами и чиновниками из государственного аппарата при попустительстве двора. Идею парламентаризма он противопоставлял деспотическому режиму шаха, выступал поборником свободы личности и распространения просвещения среди народа. Именно поэтому, сравнивая Мальком-хана с Гюго, Вольтером и Ж. Ж. Руссо, известный историк Назем-оль-Эслам Кермани заявляет: «Один из современников писал: «...Мальком-хан в Иране занимает такое же место, какое занимают (во Франции)... Вольтер, Жан Жак и Виктор Гюго. Славу французского народа составляют эти мыслители, иранский же народ гордится этим (своим) единственным мыслителем»¹. Его трактаты, газета «*قانون*» («Канун», 1890—1893) и пьесы сыграли важную роль в истории развития общественной мысли Ирана.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением драматургического наследия великого писателя.

Из трех опубликованных пьес Мальком-хана наиболее типичной и интересной является первая комедия, озаглавленная *سرگذشت اشرف خان حاکم عربستان* («Приключения Ашраф-хана—губернатора Арабстана — во время его остановки в Тегеране»².

В этой пьесе драматург обличает всю правительственную систему Ирана. Губернатора Арабстана вызывают в столицу для представления отчета о денежных сборах с населения. Чтобы предварительно расположить к себе всю придворную клику, Ашраф-хан велит рано утром следующего дня доставить «три тысячи золотых в трех мешках—подарок его величеству. Тысячу золотых и лошадей «Таус» и «Тарлан» с четырьмя слугами и шестью вьюками из привезенных подарков — премьер-министру. Пятьсот червонцев, рабыню и два вьюка — финансовому контролеру мирзе Таррар-хану»³.

¹ *ناظم الاسلام «تاریخ بیداری ایرانیان»*. ۱۳۲۴، چاپ دوم، ص. ۱۲۱

² Пьеса эта впервые печаталась в 1908 г. в газете *اتحاد* в виде фельетона, но в связи с контрреволюционными событиями 1908 г. газета была закрыта, и печатание пьесы прекратилось.

³ Я. А. Эйнгорн, Комедия мирзы Мальком-хана, Ташкент 1927, стр. 107.

Щедрые дары, однако, показались недостаточными, и мирза Таррар-хан, проверив отчетность, преднамеренно запутывает ее, начисляет на губернатора недоимку в 32 тысячи туманов, в то время как у него был излишек в 2 тыс. туманов. Финансовый контролер обещает за большую взятку «исправить» отчетность, требуя, однако, от губернатора еще 1500 туманов взятки для премьер-министра. Кроме того, для получения фирмана (приказа) об отъезде из столицы Ашраф-хану пришлось заплатить еще 50 туманов за бумагу на фирман, 100 туманов за его оформление и 200 туманов в «подарок» хранителю печати. Но и это еще не все: перед самым отъездом губернатора Мирза Таррар-хан диктует ему список лиц, начиная с личных слуг премьера и кончая конюхом (всего 15 человек), которым тоже полагаются «подарки». В ответ на протесты ошеломленного Ашраф-хана мирза Таррар-хан спокойно говорит, намекая на взятки, получаемые губернатором от населения: «Зато вы уедете в Арабстан и в десять раз больше заработаете. Что вам еще надо, господин-хан»⁴?. И губернатору пришлось «пожертвовать» еще 180 туманами «чаевых».

Ограбленный догола, он возмущенно восклицает: «О, боже... Спаси меня от этих кровожадных волков»⁵. «Керим-ага,—говорит он,—больше уже нет терпения! Клянусь моим духовным наставником, я больше не хочу губернаторствовать! Такого рода губернаторство — «харам» — оно даже хуже сводничества... Боже, что за страна, что за страна!!!»⁶ «Собралась банда разбойников: один — министр, другой — контролер, третий — сельский староста, и грабят всех»⁷.

Мальком-хан сумел обобщить все виденное и создать типичные образы. Таковы образы и Ашраф-хана, и финансового контролера, прожженного афериста, прижавшего губернатора к стене, чтобы устроить его, урвать побольше для себя и великого везира, и льстеца Алла-Дада, способного продать душу за копейку, одним словом, вся придворная камарилья, влияющая своими интригами на государственные дела в интересах своей личной наживы. Такова и целая орава слуг, привратников и палачей, которые как саранча набрасываются на свою жертву и нагло «просят» удовлетворения своих «законных требований».

Вторая пьеса — «طریق حکومت زمان خان بروجدی و سرگذشت آن» («Методы управления Заман-хана Беруджерди и его приключения») также имеет острую социальную направленность. В центре комедии — Хакем и Джахангир. Злоупотребляя своим служебным положением, они всеми способами грабят народ. При этом они прибегают к излюбленному методу, ставшему обычным у иранских правителей. Прислушаясь к исполнению обязанностей губернатора, Заман-хан Хакем в самом начале пьесы заявляет фаррашбаши: нужно в этом году править таким образом, чтобы жители всегда хвалили нас, сперва нужно людям показать себя справедливым и бескорыстным, и если имя наше будет прославлено, дальше уже ничто, никакие проделки не могут поколебать его.

Во втором действии Мальком-хан создает типичную сцену, воспроизводящую растленную мораль правителей иранских губерний. Джахангир в беседе с Хакемом упрекает его в том, что он плохой правитель, ведь его должность не вечна, завтра кто-нибудь другой придет и займет его место. Нужно уметь вымогать и жить. Заман-хан Хакем в свою очередь винит фаррашбаши, который не берет взятки и совсем не заботится о своем хозяине.

Кроме этого, чтобы укрепить свое положение, в последнем действии пьесы купец Раджаб особым образом преподносит богатые дары фаррашбаши.

В этой комедии критика направлена против «блюстителей законности и порядка», которые они сами попирают на каждом шагу и методически грабят людей среди бела-

⁴ Там же, стр. 119.

⁵ Там же, стр. 107.

⁶ Там же, стр. 113.

⁷ Там же, стр. 120.

дня. Но такие «методы управления» типичны для Ирана; ими заражена вся феодальная административная система страны.

Третья пьеса Мальком-хана озаглавлена *حکایت کربلا، رفتن شاه قلی میرزا* و سرگذشت ایام توقی چند روزه در کرمانشاهان نزد شاه مراد میرزا («Рассказ о поездке Шах-Коли-мирзы в Кербела и его приключениях во время пребывания в Керманшахе у тамошнего губернатора Шах-Морад-мирзы...»).

В центре комедии стоит образ хапуги Шах-Кули-мирзы, привыкшего жить за чужой счет и окружившего себя роскошью. Поборы и взятки он считает естественным для себя; по его представлениям, губернатор обязан выделять ему из полученных взяток его «законную долю». В беседе с Иредж-мирзой, явно намекая на это, он со свойственной ему циничностью говорит: «Пользуйтесь полученными от жителей Керманшаха взятками, присваивайте их себе один»⁸. Устами Иредж-мирзы Мальком-хан дает меткую характеристику правящим кругам столицы: «Да разве тегеранские волки допустят, чтобы кто-либо мог пользоваться взятками один? Один берешь, десять даешь. Слава богу, начальник, Вы то лучше всех знаете об этом»⁹.

В изображении Мальком-хана Шах-Коли живой и реальный образ заносчивого иранского хана: он надменен и высокомерен, кичится и угрожает принять самые крутые меры против непокорных крестьян. Он привык к тому, чтобы все считались с его требованиями и безмолвно выполняли его капризы. Но столкнувшись с теми, кто сильнее его, он превращается в жалкого труса. Это особенно хорошо показано автором в четвертом действии пьесы: «вооруженное» нападение крестьян, инсценированное Иредж-мирзой, наводит такой страх на Шах-Коли, что он прячется под ослиным седлом — от его кичливости не остается и следа.

Создавая образ Шах-Коли, подчеркивая алчность и духовное убожество правителей Ирана, Мальком-хан выразительно показывает, в чьих руках находятся судьбы страны и государства.

В основе комедии Мальком-хана лежат противоречия между новым и старым, между явлениями и сущностью жизни, а драматические действия их построены таким образом, что в комические ситуации чаще всего попадают герои, являющиеся носителями старых, отживших идей и представлений. Драматург жестоко издевается над ними, срывает с них маски, высмеивает, бичует и раскрывает их внутреннюю пустоту. Борьба между новым и старым составляет сущность конфликта комедий Мальком-хана. Уничтожающей сатире подвергается социально-нравственный облик правящей верхушки.

Юмор, ирония, сатира — таковы те разнообразные средства, которыми пользуется в своих комедиях драматург.

Отрицая нравы феодального общества и защищая идеи просвещенной монархии, Мальком-хан искренне верил в возможность искоренения социального зла при помощи реформ «сверху». Тем не менее эти либерально-просветительские позиции не мешали драматургу прийти в своей художественной практике к радикальным выводам как по отношению к феодализму вообще, так и всей системе феодального управления. Комедии Мальком-хана объективно выражали антифеодальные настроения передовых кругов иранской общественности 70-х годов.

В истории новой иранской литературы Мальком-хан занимает почетное место. Он первый заложил основы реалистической, социально-бытовой комедии, ввел народную разговорную речь в художественную литературу и, наконец, своей литературно-журналистской деятельностью значительно способствовал усилению национально-просветительского движения в Иране.

⁸ *حکایت کربلا رفتن...»*، ص ۱۰۹.

⁹ Там же.

К вопросу об авторстве Мальком-хана

Уже говорилось, что Мирза Мальком-хан проявлял большой интерес к драматургии и сам создавал самобытные сатирические пьесы, которые впервые были полностью опубликованы в Берлине в 1922 г. под заглавием «Сборник пьес Мальком-хана». В сборник были включены вышеназванные пьесы. Эти пьесы еще до появления их в печати распространялись в рукописях, их читали передовые представители персидской (и не только персидской) интеллигенции, воодушевляясь их демократическими идеями. По свидетельству современника Мальком-хана Мохаммед Бека Шахтахинского, сатирические произведения Мальком-хана сыграли важную роль в деле пробуждения передовых умов в Иране.

Переводы пьес Мальком-хана появились во многих странах цивилизованного мира, и на протяжении почти столетия никогда, ни у кого не возникало сомнения об авторстве Мальком-хана. Не возникало оно и у самих персов. И это вполне понятно. Идейное содержание этих пьес говорит о том, что автором их мог быть человек, который хорошо знал придворную жизнь, ее порочные нравы и гнусную мораль, вращался в этой среде и лично сталкивался с лицами, подобными тем, которых он карикатурно изобразил в своих пьесах. А таким человеком мог быть только Мальком-хан. Не нужно забывать, что Мальком-хан одно время, по свидетельству того же Шахтахинского, был телохранителем и личным переводчиком Наср-эд-Дин Шаха. Следовательно, он не мог не сталкиваться с придворным обществом.

Далее, в 1852 г. в Тегеране был учрежден «دار الفنون» («Дом науки»), где учились главным образом дети высших слоев персидского общества. Известно, что в «Дар-оль-Фонуне» преподавало много иностранных специалистов, не знавших персидского языка. Мальком-хан также преподавал в «Дар-оль-Фонуне» и одновременно работал там переводчиком. Общеизвестно также, что после своего возвращения из Франции он учредил общество «خانه آینه» («Дом забвения») — нечто вроде масонской ложи. Членами этого общества являлись как прогрессивно настроенные студенты «Дар-оль-Фонун», так и недовольные существующим в стране режимом представители персидской интеллигенции. В этом обществе под видом обсуждения нравственных вопросов велись беседы политического характера, острием своим направленные против растленных нравов господствующих классов, о которых говорится в пьесах Мальком-хана.

В свете всего этого, по меньшей мере, странно звучит «важное научное открытие» А. А. Ибрагимова, Х. Мамадзаде, Ализаде М. Мубариза, Гусейна Абульфаса, отрицающих авторство Мальком-хана. Свою версию Ибрагимов и Мамадзаде излагают в статье под заглавием «Мирза Малькумхан анд есаб эдилан п'есларын асл муаллифи аьинда»¹⁰, Ализаде М. Мубариз в своих «Тезисах»¹¹, а Гусейн Абульфас в статье «Еще раз об авторе первых персидских пьес»¹².

Их попытки опровергнуть авторство Мальком-хана и приписать его пьесы некоему Мирзе-аге лишены научного основания. Приводимые ими «факты» и примеры доказательства своей правоты мало кого убедят. На самом деле, на каких «фактах» построена их версия?

Ибрагимов и Мамадзаде приводят выдержки из статьи проф. Чалана Пашаева, озаглавленной «М. Ф. Ахундовун фарсча язан шакирдлери» («Ученики М. Ф. Ахундова, писавшие на персидском языке»), где сказано:

«Из писателей, учившихся и воодушевленных революционными идеями, выдвинутыми им (Ахундовым.— А. Б.),— в «Письмах Камал-уд-довле», Мирза Мальком-

¹⁰ «Труды института литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР», серия литературы, т. 9, 1956.

¹¹ Ленинградский ордена Ленина Государственный университет им. А. А. Жданова, Научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов) I, 1962, стр. 32.

¹² Журнал «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, стр. 142—146.

хан, Хаджи Абдур-Рахим Талев, Зайн-оль-Абедин Мараген являются очень интересными личностями нашей истории, все три (автора) в основном писали на персидском языке, все трое — выходцы из Южного Азербайджана, все они в основном продолжали (заниматься) социальными вопросами, выдвинутыми Мирзой Фатали, требовавшими своего разрешения»¹³.

Ибрагимов и Мамадзаде молча соглашаются с основными положениями этой выдержки, за исключением утверждения проф. Пашаева о том, что Мальком-хан является выходцем из Азербайджана. То, что он по происхождению не азербайджанец, соответствует действительности, но означает ли это, что Мальком-хан не мог быть автором пьес? Ведь Пашаев ни слова не говорит и о произведениях Талебова и Зейн-оль-Абедина, являющихся, включая и Мальком-хана, «очень интересными личностями нашей истории» (!). Пашаев утверждает лишь, что все они были продолжателями идей М. Ф. Ахундова.

Цель названных авторов ясна. Проф. Пашаев под влиянием традиции продолжает считать Мальком-хана автором пьес, между тем, как настоящим автором пьес, по утверждениям Ибрагимова и Мамадзаде, является якобы Мирза-ага. В доказательство своего «научного открытия» они ссылаются на адрес Мирзы-аги, написанный рукой М. Ф. Ахундова на русском и персидском языках, однако не известно, приложен ли адрес этот к присланным пьесам, и вообще доказывает ли это, что Мирза-ага является автором указанных пьес? Авторы ссылаются, далее, на письмо Мирзы-аги, адресованное Ахундову, где нет ни слова относительно приписываемых ему пьес. В приведенной ими выдержке читаем:

«Меня зовут Мирза-ага, сам же из Тавриза... Около семи лет я работаю во французском посольстве в Тегеране главным секретарем. Ответ о получении письма и книги (подчеркнуто нами.— А. Б.) не откажите в любезности прислать в русское посольство в Тегеране через моего доверенного посредника господина Греблина...»¹⁴.

Здесь совершенно четко говорится, что Мирза-ага выслал Ахундову книгу, а о характере книги — о том, что она содержит приписываемые ему пьесы, ни слова не сказано. В силу каких же фактов утверждается, что Мирза-ага прислал именно те пьесы, о которых речь идет? Где это видно?

Далее, Ибрагимов и Мамадзаде, а вслед за ними Ализаде М. Мубариз и Гусейн Абульфас пытаются разными способами обосновать свою неубедительную версию. Ибрагимов и Мамадзаде пишут:

«Из манеры написания и содержания еще раз явствует, что их автор выходец из Азербайджана. Четвертая пьеса — «Горе любовных походов Аги Хашима Хальхали и его приключения» — воспроизводит жизнь Азербайджана. В остальных пьесах события формально происходят в других местностях, (но) вся обстановка напоминает тогдашний Южный Азербайджан. Например, в пьесе «Ашраф-хан» Ашраф-хан назначается правителем Арабстана. Однако все его приключения и обстановка очень выпукло воскрешают перед нашим взором то время, когда правители из Тегерана присылались в Южный Азербайджан. Потому, что присланных в Азербайджан иранским государством правителей, подобно Ашраф-хану, было не мало»¹⁵.

Утверждение авторов о том, что «Все приключения (Ашраф-хана.— А. Б.) и обстановка очень выпукло воскрешают перед нашим взором» Южный Азербайджан, не может быть принято всерьез, ибо при назначении правителей в Иране существовали одинаковые законы и порядки для всех провинций — будь то Арабстан (Хузистан), Исфаган или Азербайджан — все равно. Везде и всюду правители действовали одинаково жестоко, бесцеремонно грабили народ. Такие легковесные доказательства могут вызвать лишь недоумение.

В качестве одного из аргументов доказательства вышеупомянутые авторы ссылаются на М. Ф. Ахундова, написавшего рецензию на пьесы Мальком-хана, причем,

¹³ Труды... стр. 162.

¹⁴ Там же, стр. 163.

¹⁵ Там же, стр. 167.

эта рецензия на русском языке издавалась трижды. Первый раз она увидела свет в 1953 г. в «Избранных философских произведениях» М. Ф. Ахундова; второй раз была включена в книгу М. Ф. Ахундова «Избранное», переведенную с азербайджанского (1956). Как в первом, так и во втором изданиях она была озаглавлена «Критика пьес Мирзы Мальком-хана». Третий раз названная рецензия была помещена в «Избранных философских произведениях» М. Ф. Ахундова, изданных в 1962 г. в связи со 150-летием со дня рождения великого мыслителя. В этом последнем издании рецензия Ахундова уже озаглавлена «Критика пьесы Мирзы-аги». Во всех трех случаях обращение к автору начинается одними и теми же словами. В первых двух изданиях оно напечатано «Дорогой брат, Мирза-ага», а в последнем — «Дорогой брат Мирза-ага».

Таким образом, если в первых изданиях под общепринятой формой обращения «мирза-ага» Ахундов разумел Мальком-хана, то в последнем издании, по желанию Ибрагимова, Мамададе и Ализаде, «Мирза-ага» — превратился в собственное имя другой исторической личности. Авторы совершенно не хотят считаться с тем фактом, что в данном случае Мирза-ага это вежливая форма обращения ко всякому образованному человеку. Ни в дипломатической сфере, ни в литературе никто имя Мальком-хана не произносил без слова «Мирза». Поэтому этот довод названных авторов может убедить только несведущих людей.

Сторонники этой «новой» версии на основании «документов, найденных в архиве» М. Ф. Ахундова, приписывают пьесы Мальком-хана «Мирзе-аге», якобы лично знакомого с М. Ф. Ахундовым, причем настолько, что последний в своем обращении к нему называет его даже «братом».

Между тем, М. Ф. Ахундов действительно близко знал Мальком-хана и имел все основания назвать его «братом». Нам известно, что М. Ф. Ахундов, будучи в Константинополе (1863), встречался с Мальком-ханом. Далее встречались они в Тифлисе, где в 1871 г. Мальком-хан останавливался проездом в Тегеран. Следовательно, они лично знали друг друга и долгое время переписывались, как это явствует из книги А. А. Ибрагимова «Описание архива М. Ф. Ахундова», изданной в том же 1962 г. в Баку.

Личное знакомство и общность их взглядов по ряду социально-политических и культурных вопросов, являются веским доказательством того, что М. Ф. Ахундов имеет в виду именно Мирзу Мальком-хана, когда писал «Дорогой брат, Мирза-ага». Но тогда возникает вопрос, почему М. Ф. Ахундов не называет его по имени? Ответ на этот вопрос мы находим в той же рецензии М. Ф. Ахундова. Он пишет:

«Друг Ваш, который напомнил Вам рассказ Шейха Саади о лисице, прав. Писать такие вещи о современниках и распространять их — дело опасное. В особенности это неуместно в такой стране, как Иран, где совершенно отсутствует свобода в деле обнародования произведений лучших мыслителей страны. (подчеркнуто нами.—А. Б.). А что же тогда делать? Это очень важный и сугубо актуальный вопрос. Писать об этом как раз надо...»¹⁶.

Отсюда явствует, что из чисто политических соображений М. Ф. Ахундов совершенно сознательно (не исключена возможность, что это было договорено между ними) выбрал вышеприведенную форму обращения. Иначе открытое признание авторства Мальком-хана вызвало бы гнев невежественных правителей Ирана, и его жизнь оказалась бы в опасности. Все это будет понятнее, если учесть, что Мальком-хан занимал важные государственные посты и имел большой авторитет в правящих кругах страны. Ведь не случайно, после своего возвращения в Тегеран, он представил шаху и премьер-министру проект создания национального законодательного собрания и, вслед за этим, был назначен послом в Лондон.

Все эти соображения, а также уничтожающая сатира комедий Мальком-хана, бичующая нравы «высшего света», лишали его возможности открыто заявить о своем авторстве. Кстати, этим и объясняется почему его пьесы долгое время не издавались. Они были изданы лишь после его смерти.

¹⁶ М. Ф. Ахундов, Избранные философские произведения, М., 1962, стр. 263.

Не убедительны и «некоторые дополнительные доводы» Гусейна Абульфаса, которые он приводит в своей статье в пользу Мирзы-аги. Он пишет:

«Из писем (каких? — А. Б.) явствует, что автор отдал свои пьесы переписать в нескольких экземплярах. Посланный им М. Ф. Ахундову экземпляр за подписью М. А. Табризи (подч. нами — А. Б.) в настоящее время хранится в архиве рукописного фонда АН Азерб. ССР. На первой странице рукописи Ахундов собственноручно написал имя и адрес М. А. Табризи (подч. нами — А. Б.) на русском и на фарси»¹⁷.

Гусейн Абульфас в своей статье все время пишет: «М. А. Табризи». Позволительно спросить: что такое «М. А.»? Имя и отчество? Ведь «М. А.» в лучшем случае может быть собственным именем. Между тем, у Гусейна Абульфаса оно превратилось в имя и отчество. А что такое «Табризи»? Фамилия? Но откуда она взялась? Ведь на фото письма, приложенном к странице журнала, ясно написано:

«Меня зовут Мирза-ага, сам же я из Тавриза». Кроме этого, Ахундов «собственноручно» написал только «Мирза-ага» без «Табризи». Это совершенно четко видно на фото № 3, помещенном на странице 163 «Трудов института литературы и языка им. Низами, где напечатана статья Ибрагимова и Мамадзаде. Зачем же понадобилось добавлять то, чего не было в тексте.

Во всех вышеназванных изданиях Ахундов обращается к Мирзе-аге одними и теми же словами: «Дорогой брат, Мирза-ага! Да продлит вам бог жизнь Вашу». Но с легкой руки Гусейна Абульфаса эта строчка переродилась и превратилась в «Мой любимый друг, М. А. Табризи (подчеркнуто нами.— А. Б.), да продлит аллах Вашу жизнь»¹⁸. Как назвать это?

В продолжении вышеприведенной выдержки из статьи Г. Абульфаса мы читаем: «Возможно один из остальных экземпляров М. А. Табризи переслал М. Мальком-хану». Совершенно непостижимо, как может автор переслать свои произведения другому лицу без подписи или хотя бы небольшой записки, подтверждающей его авторство. Если, как утверждается в названных статьях, Мирза-ага мог послать М. Ф. Ахундову экземпляр за подписью «М. А. Табризи», то почему же он этого не сделал с экземпляром, пересланным Мальком-хану? Может быть д-р Розен, о котором говорится в статье, уничтожил и подпись, и записку Мирзы-аги из особой симпатии к Мальком-хану? Согласитесь, что это никак не вяжется с правилами логики.

Дальше, в конце статьи мы читаем: «Когда сравниваешь стиль и идейную направленность «Рисалейе-ахлагийе» с теми же особенностями «Приключений Шахгули Мирзы в Керманейшахе», то еще раз убеждаешься, что данные произведения принадлежат перу одного и того же автора. Находит объяснение и тот факт, что все события в пьесах взяты из действительной жизни. Ведь из «Рисалейе-ахлагийе» явствует, что автор долгое время прожил в Тавризе, Хорасане, Симнае и других городах Ирана и за этот период близко изучил жизнь и быт народа, уродство правления в тех местах. Следует отметить и то, что почерк рукописи «Рисалийе-ахлагийе» и почерк писем М. А. Табризи Ахундову совпадает — это почерк шикаста насталиг (разве что почерк письма более приближается к насталигу, тогда как в почерке книги преобладают элементы шикаста насталиг)»¹⁹.

Если ученый берется доказывать правильность своей версии, то доказательство он должен подкреплять вескими фактами и конкретными примерами, чтобы читатель убедился в обоснованности выдвигаемой версии, иначе получится лишь голословное заявление. Так именно и вышло у Гусейна Абульфаса. Ведь в доказательство идентичности «стиля и идейной направленности «Рисалийе-ахлагийе» с теми же особенностями «Приключений Шахгули Мирзы в Керманейшахе» не приводится ни одного факта. Относительно совпадения «почерка рукописи «Рисалейе-ахлагийе» и почерка писем М. А. Табризи Ахундову» (образцы приведены в приложении к стр. 142 на-

¹⁷ «Народы...», стр. 143.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 144.

званного журнала) следует подчеркнуть, что автор своим «доказательством» лишь красноречиво опровергает самого себя, ибо почерки абсолютно не сходны.

Так, не «с легкой руки С. Джавади Табризи Мальком-хан стал почитаться автором упомянутых пьес»²⁰, а с легкой руки Ибрагимова, Мамадзаде, Мубариза и Г. Абульфаса Мирза-ага преобразился и, после Ахундова, стал «вторым драматургом в азербайджанской литературе»²¹.

Между тем, имеющаяся у нас под рукой статья того же Шахтахтинского, напечатанная в 1887 г. в армянском журнале «Аракс», не допускает и тени сомнения об авторстве Мальком-хана. Он говорит:

«Мальком-хан писал главным образом политическую сатиру (подч. нами.—А. Б.). Он своей едкой и остроумной сатирой беспощадно бичевал невежество государственных деятелей. Мальком-хан, который в совершенстве владеет персидским языком, доказал, что персидский язык, так хорошо подходящий к эпическим и лирическим стихам, легко может быть использован и в других жанрах литературы.

В произведениях талантливого Мальком-хана многие из персидских деятелей узнавали свои портреты в образах невежественных правителей. К зависти, вызванной успехом его франкмасонской доктрины, прибавилась вражда государственных деятелей, на которых он жестоко нападал. Началось гонение на Мальком-хана и, наконец, его провалили»²².

То же самое, но более конкретно, утверждает один из крупных специалистов по современной персидской литературе — доктор Хассан Камшад, читающий лекции в Тегеранском университете. В своей недавно выпущенной на английском языке книге «Современная персидская прозаическая литература» Камшад, без каких-либо оговорок и сомнений, считает автором названных пьес Мальком-хана. Он подчеркивает, что в период движения за конституцию произведения Мальком-хана имели колоссальное влияние на молодое поколение. Молодые прогрессивные писатели восхищались идеями и стилем его произведений и в своей художественной практике утверждали его принципы. Не случайно, что в этот период в прогрессивной газете «اتحاد» («Союз»), под видом фельетона, печаталась первая комедия Мальком-хана.

Доктор Камшад пишет:

(«Из-за своих политических взглядов он (Мальком-хан.—А. Б.) был в конце концов выслан в Константинополь, где вошел в контакт с уже находившейся там группой персидских реформаторов. В свою бытность в этом городе, он написал несколько пьес (подч. нами.—А. Б.) и ряд политических и социальных трактатов. Три из этих пьес, небольшие комедии, главную тему которых составляют социальные и политические вопросы персидской жизни и учреждений, были опубликованы в Берлине в 1349 (1921—1922) году: «Приключения Ашраф-хана—губернатора «Арабстана», «Методы управления Заман-хана Беруджерди» и «Рассказ о поездке Шах Кули Мирзы в Кербела»²³.

Здесь настолько ясно подтверждается авторство Мальком-хана, что комментарии излишни.

Но вернемся к статье Шахтахтинского.

Из приведенной выше выдержки неоспоримо следует, что, во-первых, Мальком-хан «писал политическую сатиру», во-вторых, в своих сатирических произведениях он разоблачал преступную деятельность «многих из персидских деятелей», которые «узнавали свои портреты в образах невежественных правителей». Известно, что Мальком-хан в 60—80-х годах никаких других сатирических произведений не писал. Ибрагимов и Мамадзаде и сами утверждают, что произведения Мальком-хана посвящены «ал-

²⁰ Там же, стр. 143.

²¹ Там же, стр. 144.

²² «Արաքս», գիտական զեղարկանական հանդես, գիրք Ա, նոյեմբեր, 1887, Ա. Պետերսբուրգ, էջ 149:

²³ D-r K a m s h a d, Modern Persian Prose Literature, Cambridge, 1966, p. 14.

фавиту, политико-экономическим вопросам, структуре государства и политике, большинство которых было собрано и издано в 1906 г. в Тегеране²⁴. Следовательно, здесь речь идет о его комедиях. Шахтахтинский, как современник Мальком-хана, был хорошо осведомлен в этом вопросе и, по-видимому, был лично знаком с ним или же читал его пьесы в рукописи. Характер его статьи подтверждает это.

Здесь может возникнуть другой вопрос: почему же Мальком-хан не давал М. Ф. Ахундову своего точного адреса? Ответы его он получал на адрес французского посольства, причем, они присылались через русское посольство, как это явствует из личного письма Мирзы-аги, приведенного в статье Ибрагимова и Мамадзаде²⁵. Нам это кажется не случайным. Тот же Шахтахтинский пишет:

«Отец Мальком-хана был русским подданным и служил в русском посольстве в Тегеране в должности переводчика»²⁶.

Таким образом, объясняется это, во-первых, соображениями личной безопасности, о которой говорил М. Ф. Ахундов; во-вторых, Мальком-хан имел большие связи в дипломатическом мире. (Отец его работал в русском посольстве, а сам он получил образование в Париже и был личным переводчиком шаха; французский язык был в то время официальным языком дипломатического мира).

Все это делает весьма вероятным предположение, что Мальком-хан вел переписку с Ахундовым, используя свои личные связи в русском и французском посольствах.

Понятно и то, почему Ахундов имел все основания сомневаться — доходят ли его письма до Мальком-хана. Иначе он не написал бы: «Сообщите мне, дошли ли мои письма до Вас, и в дальнейшем не откажите в любезности писать мне. Клянусь дорогой жизнью Вашей, я до того рад Вам, до того проникся к Вам любовью, что на расстоянии целую Ваши глаза»²⁷.

Так мог бы писать только друг, находившийся в очень близких отношениях с Мальком-ханом.

Даже если оставить в стороне все сказанное и обратиться к стилистическим особенностям названных пьес, то в них можно найти много данных, бесспорно подтверждающих авторство Мальком-хана. На самом деле: Мальком-хан не только создает «типичные образы в типичных обстоятельствах», но и умеет индивидуализировать речь своих персонажей. Это делает его характеры живыми и полнокровными. Армянин Вартанус (Вртанес) неправильно произносит персидские слова²⁸.

Вместо	فرایش (исполнитель воли офиц. лица) он говорит	بارایش	تقصیر (вина)	تاعفیر
•	شما (вы)	شوما	قصاب (мясник)	قاصاب
•	خبر (новость)	خابار	برکت (изобилие)	باراکت
•	بچه (мальчик)	баже	من (я)	ман
•	ارمنیها (армяне)	рманиа	فلان (такой-то)	флан
•	دعوا (драка)	дава	فرار (бегство)	фарар
•	مسلمانها (мусульмане)	мосурманна	کار نواب (доброе дело)	карнабав
•	ارمنی (армянин)	рмани	قسم (клятва)	қасам
•	چشم (глаз)	чашм	فهمیدم (понял)	фамидем
•	بنی (да)	бали	عراق (подка)	эрак

²⁴ «Труды...», стр. 163.

²⁵ Там же.

²⁶ «Цршри», № 148.

²⁷ «Избранные философские произведения», стр. 271.

²⁸ См. пьесу «طریقه حکومت زمان بروجردي و سرگذشت آن ایام» стр. 58—63 (в сборнике пьес Мальком-хана).

Такое произношение этих слов характерно для джульфинских армян. Ни один тавризский или проживающий в какой-либо другой провинции Ирана армянин не произнесет их так, как произносит их Вартанус, воплотивший в себе речевые особенности джульфинских армян. Кто же мог быть создателем таких образов, если не Мальком-хан — выходец из джульфинских армян?

Мальком-хан написал также много других произведений, идейные установки которых вполне идентичны с идейными направлениями его пьес, ставивших перед собой задачу искоренения социального зла и совершенствования общественных отношений в Иране.

В научном мире совершенно недопустимо оперировать сомнительными фактами, всякими случайными совпадениями, отрывками из писем с зачеркнутыми строчками и произвольным добавлением к имени несуществующей фамилии. Версия противников авторства Мальком-хана не подкреплена никакими серьезными фактами и доводами.

Мальком-хан прошел блестящий путь политической и публицистической деятельности, его глубокий подход к общественным и культурным проблемам проявляется и в его социальных комедиях, открывших яркую страницу в истории новой драматургии Ирана. Надо раз навсегда покончить со всякими сомнениями об авторстве Мальком-хана. Он, и только он, является автором своих собственных пьес.